

References:

1. Bolshaia Sovetskaia Entsiklopediia (1972) [Great Soviet Encyclopedia]: v 30 t. T. 8. / hl. red. A.M. Prokhorov. M.: Sovetskaia entsiklopediia. 592 s. (in Russian)
2. Vodopianova N.E. (2009) *Psikhodyahnostyka stressa* [Psychodiagnostics of stress]. SPb.: Pyter. 336 s. (in Russian)
3. Vodopianova N.E. (2015) *Sovremennye kontseptsyy resursov subjekta professionalnoi deiatelnosti* [Modern concepts of resources of the subject of professional activity]. *Psikhohyia truda, ynzhenernaia psikhohyia, erhonomyka. Vesnyk SPbHU. Ser. 16. Vyp. 1 S. 45–54.* URL: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s16/s16v1/06.pdf> (data zvernennia: 22.02.2021 roku). (in Russian)
4. Lapina M.D. (2019) *Psikhohichni resursy osobystosti v profesiinii diialnosti sotsialnoho pratsivnyka* [Psychological resources of a specialty in the professional activity of a social worker]. *Teoriia i praktyka suchasnoi psikhohi, № 1. T. 1.* URL: http://www.tsp-journal.kpu.zp.ua/archive/1_2019/part_1/1-1_2019.pdf (data zvernennia: 22.02.2021 roku). (in Ukrainian)
5. Lozhkyn H., Vydai A. (1999) *Psikhohycheskoe «vuhoranye» lydera.* [Leader's psychological burnout] *Personal. № 6. S. 36–43.* (in Russian)
6. Muzdybaev K. (1998) *Stratheyia sovladanya s zhyznennymy trudnostiamy. Teoretycheskyi analiz* [The strategy for coping with life's difficulties. Theoretical analysis]. *Zhurnal sotsyolohyy y sotsyalnoi antropolohyy. Tom 1. № 2. S. 100–109.* (in Russian)
7. *Patolohyheskaia fyzyolohyia* (1996) [Pathological physiology]: [ucheb. dlia stud. med. vuzov] / N.N. Zaiko, Yu.V. Byts, A.V. Ataman [y dr.]. K.: Lohos, 640 s. (in Russian)
8. Perevozchikova Yu. *Fenomenolohichnyi analiz resursiv osobystosti* [Phenomenological analysis of resources in particular]. URL: http://umo.edu.ua/images/content/nashi_vydanya/stud_almanah/41.pdf (data zvernennia: 22.02.2021 roku). (in Ukrainian)
9. *Praktykum po psikholohyy zdorovia.* (2005) [Health Psychology Workshop] / Pod red. H.S.Nykyforova. SPb: Pyter. 351 s. (in Russian)
10. *Psikhohichni osoblyvosti bazovykh kopinh-stratheyi ta osobystisnykh kopinh-resursiv pratsivnykiv pozhezhnoriativalnykh pidrozdiliv MNS Ukrainy : monohrafiia* (2008) [Psychological peculiarities of basic copying strategies and special copying resources of workers in the fire-fighting departments of the Ministry of Taxes and Duties of Ukraine: monograph] / Nazarov O.O., Onishchenko N.V., Sadkovyi V.P. [ta in.]. Kharkiv : Vyd-vo UTsZU. 221 s. (in Ukrainian)
11. *Psikhohichni tekhnolohii efektyvnoho funktsionuvannia ta rozvytku osobystosti : monohrafiia* (2019) [Psychological technologies of effective functions and development of specialties: monograph] / [za red. S.D. Maksymenko, S.B. Kuzikovi, V.L. Zlykova]. Sumy : Vyd-vo SumDPU imeni A.S. Makarenka. 540 s. (in Ukrainian)
12. *Sovladaiushchee povedenye: Sovremennoe sostoianye y perspektyvi* (2008) [Coping Behavior: Current State and Prospects] / pod red. A. Zhuravleva y dr. M.: Yzd-vo «Ynstytut psikholohyy RAN». 474 s. (Yntehratsyia akademicheskoi y unyversytetskoi psikholohyy). (in Russian)
13. Tytarenko T.M., Liepikhova L.A. (2006) *Psikhohichna profilaktyka stresovykh pervantazhen sered shkilnoi molodi: Naukovo-metodychni posibnyk.* [Psychological prevention of stress re-entanglement among school youth: Scientific-methodical book] / K.: Milenium. 204 s. (in Ukrainian)
14. Compas B.E. *Coping with stressful events in older children and young adolescents* / B.E. Compas, V.L. Malcarne, K.M. Fondacaro. *Journal of consulting and clinical psychology.* 1988. № 563. P. 405–411.
15. Moos R.H. *Context and coping: Towarda unifying conceptual framework.* *Amerikan Journal of Community Psychology.* 1984. Vol. 12. P. 5–25.

DOI <https://doi.org/10.51647/kelm.2020.7.1.16>

ZWIĄZEK PROCESÓW INDYWIDUALIZACJI I TYPOWANIA OSOBOWOŚCI W ROZWOJU SPOŁECZNYM

Victoria Gusak

aspirantka Instytutu Socjologii

Narodowej Akademii Nauk Ukrainy (Kijów, Ukraina)

ORCID ID: 0000-0001-7637-3469

Adnotacja. Artykuł poświęcono porównywaniu metodologicznych podejść do badania specyfiki transformacji procesu typowania i samotypowania osobowości w relacji z procesem indywidualizacji. Przeprowadzono analizę porównawczą, podkreślono podobieństwa i różnice w metodologicznych podejściach teoretyków do badania typowania i samotypowania osobowości. Ujawniono związek procesu indywidualizacji z kształtowaniem się charakteru społecznego, w tym poprzez analizę transformacji koncepcji własnej/obcej/cudzej. Pokazano rolę dążenia do wolności i poczucia samotności ukształtowanego przez historyczne doświadczenia rozwoju indywidualizacji w jej nowych formach we współczesnym świecie.

Słowa kluczowe: indywidualizacja, typowanie, samotypowanie, charakter społeczny, cudzość/obcy.

THE INTERRELATION BETWEEN THE PROCESSES OF INDIVIDUALIZATION AND TYPIFICATION OF PERSONALITY IN SOCIAL DEVELOPMENT

Victoria Gusak

Postgraduate Student

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

ORCID ID: 0000-0001-7637-3469

e-mail: gusak.vika@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the comparison of methodological approaches to the study of the specifics of the transformation of the process of typification and self-identification of a person in conjunction with the process of individualization. A comparative analysis is carried out, the similarity and development in the methodological approaches of theorists to the study of the problem of typification and self-typing of a person are analyzed. The interrelation of the process of individualization with the formation of a social character is revealed, including through the analysis of the transformation of the concept of our/stranger/strangeness. The role of the desire for freedom and the feeling of loneliness formed by the historical experience of the development of individualization and its new forms in the modern world is shown.

Key words: individualization, typification, self-typing, social character, stranger/strangeness.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЦЕССОВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И ТИПИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Виктория Гусак

аспирантка

Института социологии Национальной академии наук Украины (Киев, Украина)

ORCID ID: 0000-0001-7637-3469

e-mail: gusak.vika@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сравнению методологических подходов к изучению специфики трансформации процесса типизации и самотипизации личности во взаимосвязи с процессом индивидуализации. Проведен сравнительный анализ, выделены сходства и различия в методологических подходах теоретиков к изучению типизации и самотипизации личности. Раскрывается взаимосвязь процесса индивидуализации с формированием социального характера, в том числе через анализ трансформации концепта свой/чужой/чуждый. Показана роль стремления к свободе и чувства одиночества, сформированного историческим опытом развития индивидуализации в ее новых формах в современном мире.

Ключевые слова: индивидуализация, типизация, самотипизация, социальный характер, чуждость/чужой.

Введение. В современном социологическом дискурсе процесс индивидуализации занимает одно из центральных мест. Отмечаются его глобализационный характер и ключевой вклад в процесс социальных изменений, результатом которого является индивидуализированное общество. Если в конце прошлого века Э. Тоффлер писал, что третья волна коренным образом изменяет черты характера, присущие всему обществу, однако трудно делать какие-либо обобщения относительно социального характера будущего (Тоффлер, 1999: 603), то с появлением «Индивидуализированного общества» Баумана образ индивидуализированной личности обрел более четкие контуры.

Применительно к личности специфика процесса индивидуализации отражает специфику проблем, с которыми индивид сталкивается во взаимодействии/взаимоотношении с миром, с другими и самим собой. Определенный этап развития культуры и, соответственно, этап развития процесса индивидуализации отражает насколько индивид действует самостоятельно, насколько он воспринимает себя творцом своей жизни и общества в целом. Каждый этап также определяет какой диапазон выбора предоставляет индивиду культура/общество в конструировании своей жизни и выборе ролей.

Основная часть. Специфика индивидуализации отражает противоречия общественного/коллективного и индивидуального (общества и индивида). В этом контексте важно рассмотреть связи процесса индивидуализации с процессами типизации и самотипизации индивида. **Целью статьи** является сравнительный анализ методологических подходов к изучению специфики трансформации процесса типизации и самотипизации личности во взаимосвязи с процессом индивидуализации, раскрытие взаимосвязей процесса индивидуализации с формированием социального характера, в том числе через анализ трансформации концепта свой/чужой/чуждый, а также выявления роли стремления к свободе и чувства одиночества, сформированного историческим опытом развития индивидуализации, в ее новых формах в современном мире.

Тема индивидуализации в историко-социологическом контексте восходит к работам Зиммеля, который придавал особое значение анализу процесса дифференциации и индивидуализации как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. По Зиммелю, эти процессы определяют формирование разных социальных

типов личности. Возрастающая индивидуализация личности связана с культурно-историческим этапом развития группы/общества, что обуславливает расширение социального пространства и диапазона свободы в этом пространстве для человека. В определенности места, которое занимает индивид в социальном пространстве, и закладывается социальная идентичность. Занимая то или иное место в социальном пространстве, индивид в результате становится определенным типом, что и определяет его взаимоотношения с Другим.

Личность, по Зиммелю, формируется из культурных предпосылок общества, индивидуальным образом комбинируя их элементы. С развитием культуры/индивидуализации происходит расширение социальных связей, которые формируются помимо родственных (Зиммель, 1996: 353).

Зиммель показывает, что процесс индивидуализации и дифференциации затрагивает как индивидуальный, так и коллективный уровень (группы, нации и т.д.). При этом развитие индивидуализации (общества/культуры) увеличивает противоречие между этими уровнями (индивидуальным и коллективным) и представляет проблему как для развития общества, так и для развития личности (Зиммель, 1996: 452). Таким образом, в концепции Зиммеля социальная типизация личности представляет собой способ разрешения противоречия между процессами коллективной и индивидуальной дифференциации и индивидуализации.

При этом процесс возрастающей индивидуализации (возрастающего разнообразия) формирует способность индивида адаптироваться к изменениям в обществе. Зиммель выделяет гармоничную взаимосвязь (баланс) индивида и общества – соответствие «внутреннего» и «внешнего» содержания личности, синтеза субъективного и объективного начала индивида. Однако Зиммель также отмечает, что разнообразие и возрастание количества кругов, в которых взаимодействует индивид, предполагает развитие индивидуализации и в то же время проблематизирует положение индивида. Общность (каждый из социальных кругов) предполагает одностороннюю дифференциацию индивида, а индивид в результате своей индивидуализации и дифференциации противостоит этому требованию. По сути, именно Зиммель обозначает процесс расщепления личности, обусловленный ростом индивидуализации, который значительно позже будет четко выделен постмодернистами.

Процесс возрастающей индивидуализации индивида в концепции Зиммеля показан как постепенное изменение пропорции коллективного и индивидуального, где индивидуальное возрастает с развитием культуры. Индивидуализация связана с увеличением диапазона свободы индивида, с расширением пространственных границ, в которых индивид взаимодействует, с возрастанием количества кругов/социальных групп. Рост индивидуализации связан с уникальным индивидуальным сочетанием этого многообразия в индивиде, который в результате процесса типизации занимает определенное место в социальных образованиях

С развитием культуры усиливается противоречие между коллективной и индивидуальной дифференциацией, и в тоже время возрастает способность индивида адаптироваться к изменениям в обществе. Баланс индивида и общества достигается с помощью инкультурации и интернализации и завершается процессом типизации личности (при котором осуществляется совпадение индивидуальных стремлений и коллективных требований).

Зиммель выделяет социальный тип «чужак» как универсальный инструмент типизации. При этом характерным при взаимодействии с «чужаком» становится обезличивание индивидуального при восприятии Другого, что и является определяющим во взаимоотношениях при росте индивидуализации в ходе культурно-исторического развития.

Развивая этот тезис Зиммеля, Шюц показывает, что позиция «чужого» становится типичной в повседневном взаимодействии. Он связывает позицию «чужого» прежде всего с проблемой кризиса привычного мышления, сложным процессом освоения новых систем релевантности и схем знания при вхождении индивида в новую группу. Хотя теоретик прямо и не связывает эту проблему с процессом индивидуализации, речь идет об универсальном типе «чужак».

Изменения, на которые указывает Зиммель, при росте индивидуализации актуализируют универсальность типа «чужак» и характеризуются особым восприятием Другого, возрастающим отчуждением одного индивида от другого, а также обезличиванием индивидуального при взаимодействии. Шюц констатирует постепенное размывание маркировки свой/чужой, показывая, что в процессе постижения нового опыта, в попытках стать членом неродной группы, постичь ее культурный образец, а затем и в процессе рефлексии относительно восприятия привычной среды в результате полученного нового опыта, трансформируется и понятие дома, меняются представления о своем/чужом (Шюц, 2004: 550–556).

Позднее Рисмен показывает, что развитие процесса роста индивидуализации не только расширяет, но в итоге размывает многие границы, на которых и выстраивался процесс типизации и основывалась идентичность. По Рисмену, ориентированный на другого индивид является космополитом, для которого нивелируются, размываются границы между знакомым и странным (своим/чужим), а также само понятие дома, – для него дом везде и нигде (Riesman, 1969: 25). Эта тенденция к размыванию границ маркировки своего/чуждого далее будет более детально обозначена в постмодернистских теориях. Бауман, например, показывает, что понятие дома уже не существует для индивида, и не актуально для его жизненных стратегий (Бауман, 1995).

При этом расширение пространственных границ, связанное с ростом индивидуализации, играет в этом процессе основополагающую роль. При пересечении новых пространственных границ становится типичным вначале столкновение с чуждым (попытка освоить культурный образец неродной группы, новые шаблоны мышления, предписания, установки и ориентации по Шюцу), а затем в результате постоянного проникновения за все новые границы, нивелируется само понятие и восприятие как чуждого, так и своего.

В том числе это имеет место и по отношению индивида к самому себе, накладывая отпечаток на самовосприятие, самотипизацию, жизненные цели и идентичности.

Наиболее ясно взаимосвязь процесса индивидуализации с формированием социального характера прослеживается в творчестве Фромма, который, собственно, и предложил концепт социального характера, рассматривая его как результат адаптации индивида к социальным условиям. В центре внимания Фромма влияние специфики индивидуализации (и определенных социальных условий, которые соответствуют этой специфике) на психическую структуру личности, которая в свою очередь оказывает непосредственное влияние на формирование социального характера.

Фромм, как и Зиммель, отталкивается первоначально от понятия Другого. До начала процесса индивидуализации осознание индивидом самого себя было нераздельным с изначально данным миром и его ролью в нем. «Человек еще был связан с миром первичными узами; он видел себя лишь через призму своей общественной роли (которая была в то же время и его естественной ролью), а не в качестве индивидуальной личности. Точно также и любой другой индивид не воспринимался как «индивид», представители разных социальных групп рассматривали друг друга как чужих» (Фромм, 2012: 37). С ростом индивидуализации происходит ослабление привычных ранее инструментов типизации личности, таких как первичные узы, изначально заданное место и изначально заданные роли, а также типизации через разделение других на свой/чужой.

Разрушение средневековой структуры способствовало формированию нового индивида, этот период ознаменован выходом человека из доиндустриального существования и зарождением индивидуализма, процессом осознания себя в качестве отдельного существа и приобретением индивидуальности, разрывом первичных уз. В новых социальных условиях (начиная с эпохи Возрождения) «во всех классах общества было заметно развитие индивидуализма», которое наложило отпечаток на психологическую структуру индивида (и оказывало специфический психологический эффект), но в тоже время новые условия были для разных социальных групп различны и в результате оказывали не одинаковое влияние, – «этот процесс имел совершенно различное значение для небольшой группы богатых и преуспевающих капиталистов, с одной стороны, и для массы крестьянства и особенно для городского среднего класса – с другой» (Фромм, 2012: 28). Для богатого и сильного класса (аристократов и бюргеров) это в большей мере способствовало их экономическому росту, которое в результате давало больше чувства свободы и усиливало чувство индивидуальности и силы, хотя и ослабило их уверенность и чувство принадлежности, и усилило чувство изоляции, сомнения и тревоги. (Фромм, 2012: 40–41). Для среднего класса особое влияние оказали негативные аспекты приобретенной свободы, и, хотя «новые тенденции в какой-то мере оказали и возможность проявления личной инициативы, возможность обогащения, но, что гораздо существеннее, угрожали им разрушением их традиционного образа жизни» (Фромм, 2012: 38).

Фромм показывает, что такие негативные чувства, как неуверенность, возрастающая изолированность, чувство страха и тревоги, способствовали развитию новых черт характера индивида и новых его стремлений. Например, чувство неуверенности развило у индивида эпохи Возрождения стремление к славе, такое стремление было развито у представителей более богатых социальных групп (например, у аристократов), которые имели такую возможность (Фромм, 2012: 40–41). Преодоление же неуверенности, тревоги и беспоконья представителями других социальных групп, среди которых особенно сложное положение было у среднего класса, нашло выражение в поддержке идей Реформации, которые предложили им это решение (Фромм, 2012: 42).

Фромм (как и Вебер) показывает значение Реформации/протестантизма как одного из ключевых моментов в развитии индивидуализации, оказавшего сильное влияние на дальнейшее формирование и трансформацию характера индивида. В период начала Реформации существенные элементы капитализма уже были сформированы и начали оказывать специфическое психологическое влияние на индивида (Фромм, 2012: 50). В этот период меняется отношение к труду и работе, они становятся наивысшей ценностью (Фромм, 2012: 48). При этом, с одной стороны, индивид все больше начинает рассчитывать на себя и зависит от собственных усилий (и частной инициативы), но с другой – у индивида растет и чувство беспомощности и незначительности перед условиями рынка, капитала и конкуренции, в которых он становится средством достижения экономических целей.

В ходе исторического процесса возрастает степень осознания индивидом самого себя как отдельного и независимого (от природы, от окружающего мира и от других). Такой процесс обособления индивида Фромм обозначает как процесс индивидуализации – «процесс растущей обособления индивида от первоначальных связей», который «достиг наивысшей стадии в Новое время, то есть от эпохи Возрождения до наших дней» (Фромм, 2012: 24). Но именно эти первичные узы, с которыми был связан индивид, хотя и предполагают отсутствие индивидуальности, в тоже время дают индивиду ощущение принадлежности, они связывают его с внешним миром и дают ощущение уверенности и жизненной ориентации. Поэтому сам процесс возрастающей индивидуализации, при котором происходит освобождение от первичных уз, связан с другим процессом – потребностью/стремлением обрести новые типы связи с внешним миром, которые обеспечат индивиду новые гарантии безопасности и новые ориентации (Фромм, 2012: 25).

По Фромму, специфику процесса индивидуализации, его границы в большей степени задают социальные условия, нежели индивидуальные. «Границы роста индивидуализации и развитие личности в какой-то мере определяются и индивидуальными условиями, но в основном социальными. Различия между индивидами

в каждом обществе кажутся значительными, но в любом обществе существует определенный предел индивидуализации, за который нормальный индивид выйти не может» (Фромм, 2012: 27).

Сам процесс индивидуализации имеет диалектический характер. С одной стороны, это стремление к свободе и развитию личности, но, с другой стороны, возрастает и чувство одиночества, незащищенности и тревоги, требующее их разрешений, и в результате формируются новые стремления (стремление отказаться от своей индивидуальности и слиться с внешним миром) (Фромм, 2012: 27–28).

Особое значение Фромм придает взаимовлиянию роста индивидуализации и возрастающего чувства одиночества. Он показывает, что в современном обществе, несмотря на демократию, можно выявить такие движущие индивидом чувства, как чувство ничтожности и бессилия, которые играют важную роль в поддержании какой-либо из форм авторитаризма, в частности фашизма (Фромм, 2012: 171). Эти чувства слабо рефлексированы, но действуют на неосознаваемом уровне. Демократия обеспечивает индивиду ощущение свободы в проявлении, как ему кажется, своих собственных мыслей, чувств, желаний, но в реальности такое ощущение свободы достигается лишь при отсутствии внешней власти и принуждения.

Фромм показывает, что иллюзорная свобода не обеспечивает проявление индивидуальности, а лишь создает ощущение ее присутствия. Такое ощущение свободы достигается путем вынужденного автоматизированного конформизма (Фромм, 2012: 172). При этом формируется тип личности, стремящийся к полному соответствию индивиду ожиданиям других и требованиям общества. Робот/автомат формируется в результате воспитания ребенка, а затем и в процессе «воспитания» его всем обществом путем подавления его чувств и эмоций. Хотя полностью эмоции невозможно подавить, они замещаются на более поверхностные, либо вообще запрещаются/отрицаются. В результате подавления спонтанности происходит их подмена псевдо/навязанными извне чувствами, эмоциями и желаниями и теряется подлинная индивидуальность (Фромм, 2012: 172). В результате происходит подавление/ослабление подлинной личности, подавления спонтанности и позитивной свободы.

Современный индивид при кажущемся расцвете индивидуализма утратил свою уникальность. По сути, утрата индивидом целостного представления о мире и подлинной связи с миром (и с самим собой) является в определенной степени (наряду с другими факторами) результатом развития процесса индивидуализации в современном мире. При этом ослабление личности не осознается индивидом в полной мере, так как в результате адаптации к новым требованиям общества (власти/авторитета) происходит практически полное совпадение этих требований и внутреннего авторитаризма. Такой индивид хорошо адаптирован и хорошо функционирует, но при этом происходит утрата, ослабление своего «я», подавление подлинной личности (Фромм, 2012: 180). Хотя чувства неуверенности и бессилия индивида в современном обществе значительно усиливаются, процесс адаптации помогает сделать их неосознаваемыми, а чувство уверенности достигается в результате полного совпадения с ожиданиями других и общества в целом (Фромм, 2012: 180).

В то же время усиление чувства бессилия и изолированности подготавливают индивида к новым формам «свободы» и подчинения, к готовности принять любую идеологию, которая предложит ему новые решения.

Психологически современный индивид полностью эмоционально подавлен. Проявление свободы и уникальности, которые ранее в процессе роста индивидуализации индивидом ощущались и были востребованы наиболее сильно, для современного индивида становятся не более чем видимостью и нивелируются в процессе адаптации к новым требованиям, но вместе с тем и возрастает внутреннее противоречие между адаптивным стремлением «быть как все» и желанием «быть не таким, как все» (Фромм, 2012: 181).

Подавление подлинной личности, а также возрастающие чувства неуверенности и сомнения индивида усиливает и потребность в приспособлении, конформизации (Фромм, 2012: 180). Полное совпадение с требованиями социальных шаблонов, определяющих, каким должен быть, что должен хотеть и делать индивид, достигается с помощью анонимных форм власти, которые полностью интернализируются во внутренний авторитаризм в форме совести, долга. Анонимные формы власти невидимы и не вызывают никакого сопротивления, они представляют собой социальные требования, указывающие на то, каким должен быть индивид. Содержание требований помещено в разного рода идеологии, принимая которые индивид становится таким, каким ему выгодно быть и с экономической точки, и в тоже время и психологически, так как он действительно желает быть таким, как ему нужно быть. Сформированные стремления индивида, совокупность черт характера обеспечивают не только его адаптацию с точки зрения его экономической деятельности, но и приносят ему удовлетворение.

Фромм выделяет и продуктивный способ избавления от одиночества и тревоги, возникающие в процессе индивидуализации, противоположный подчинению, – это «путь спонтанных связей с людьми и природой». При продуктивном типе связанности индивида с миром не уничтожается индивидуальность и целостность личности, любовь и творческий труд становятся наивысшими проявлениями таких связей (Фромм, 2012: 28). Однако продуктивный тип связанности индивида с миром не может быть в полной мере реализован, так как развитие/индивидуализация личности сдерживается рядом психологических и социальных причин.

Рассмотрение связи процессов индивидуализации и типизации в ходе социального развития является важной составляющей в теории социального конструктивизма. Индивидуализм определяется как наличие разнообразия социальных реальностей и возможность самостоятельного выбора индивидом реальности и идентичности в ней. Бергер и Лукман выделяют специфический тип личности «индивидуалист» как ответ на альтернативу социальных реальностей в современном мире. При таком подходе процесс роста индивидуализации связан со спецификой процесса типизации и самотипизации личности. Усложнение общества, при

котором возможен индивидуализм, связано с переходом к дереификации ролей. Характерным становится чувство ответственности у индивида за свою жизнь; и вместе с тем актуализируются проблема успешности социализации (интернализации), проблема типизации и самотипизации индивида.

Бергер и Лукман показывают, что с усложнением общества, накоплением системы знаний, увеличением разнообразия альтернативных реальностей, которые и определяют рост индивидуализации, происходит увеличение дистанции между социальным Я и целостным Я, в результате Я не отождествляется с совершенным действием полностью, а лишь частично объективирует Я через социальные типизации (типизации действий и деятелей/ролей), и индивид полностью не отождествляется с ролью, а в большей степени играет/отыгрывает ее.

По Бергеру и Лукману, разнообразие социальных миров, связанное с ростом индивидуализации, опосредуется индивидом в процессе первичной социализации и предоставляет в определенной мере выбор идентичностей. Но одновременно возникает возможность внутреннего конфликта в результате сделанного выбора. Особое значение теоретики уделяют проблеме всех последующих социализаций в современном обществе, в результате которых возникает проблема самотипизации личности.

Рост многообразия альтернативных реальностей/рост индивидуализации ведет к разотождествлению объективной и субъективной реальности (уменьшению степени их соответствия), а сами реальности/роли используются для достижения своих целей, и приобретают, как и весь институциональный порядок, манипулятивный характер.

Концепт чужака / тип чужака модифицируется и применяется Бергером и Лукманом к анализу проблемы самотипизации/типизации индивида (чужак становится инструментом самотипизации индивида / своих ролей) – индивид воспринимает свои роли в большей степени как чуждые ему, становится чужаком по отношению к собственным социальным ролям.

Теоретики постмодернизма, такие как Г. Дебор, З. Бауман, Ж. Липовецки, Ж. Бодриар, М. Кастельс, развивают новые подходы к проблеме идентичности в связи с изменениями, которые происходят в обществе. Возникает понятие кризиса идентичности как следствия социальных трансформаций. Идентичность в постмодерном дискурсе имеет процессуальный характер, становится нечеткой, размытой, становятся менее или не востребуемыми те основания и инструменты, на которых были ранее основаны процессы типизации и самотипизации личности. Бауман замечает, что для индивида актуальным является вопрос о том, как избежать чрезмерной фиксации своей идентичности с определенной группой и как сделать наиболее правильный выбор из того, что предлагает общество в данный момент.

Липовецки и Бауман анализируют новый этап развития индивидуализма, указывая на то, что индивидуализация и гедонистическая персонификация в результате формируют идентичность саму для себя, что приводит к формированию чувства опустошения, отчуждения как от другого, так и от самого себя и отрицания форм социальности. В концепции Липовецки через понятие персонализации, а также выделенного нарциссического типа личности анализируется современный этап индивидуализации, характерным признаком которого становится утрата целостности, расплывчатость собственного «Я». «Окончательный портрет индивидуализации определяется не социальной самобытностью и независимостью, а разнообразием связи и контактов с коллективами с узкими интересами» (Липовецки, 2001: 29). При этом для индивида становится значимым не только удовлетворение своих потребностей, «гедонистическое самопоглощение», но и стремление к себе подобным, а также потребность испытывать чувство полезности для других (Липовецки, 2001: 30).

Бауман показывает, что идентичность становится фрагментарной и множественной, процесс идентификации всегда остается незавершенным (Бауман, 2005: 185). Происходит обособление индивидуального и коллективного, индивид утрачивает контроль как над объективными/социальными процессами, так и над индивидуальной жизнью, при этом возрастает неопределенность и неуверенность. Структурные изменения, такие как, например, безработица, воспринимаются индивидом как индивидуальные проблемы (Бауман, 2005: 196). В результате структурных изменений, с которыми сталкивается индивид, происходят отчуждение, утрата долгосрочных целей, утрата чувства безопасности, обособление индивида от социального уровня/коллективных целей и задач, в целом обособление одного индивида от другого.

З. Бауман выделил группу типов, восходящих к типу «чужака» Г. Зиммеля, – фланер, бродяга, турист и игрок. Выделенные типы / жизненные стратегии / стили жизни преодолевают само понятие «чуждость», через них можно увидеть способ преодоления как чужести, так и дома, они лишены всякой привязанности и фиксированности – всех предыдущих оснований и инструментов типизации и самотипизации личности (Бауман, 1995). Зиммелевская форма чужого мимикрирует в текущей реальности и обретает легитимность благодаря легитимации самого процесса переходности из круга в круг. В результате постоянных перемещений и изменений преодолеваются как категории чужого/чужест, так и основания своего / «дома», по отношению к которым они могут быть применимы и с помощью которых происходят идентификация, типизация и самотипизация личности (Гусак, 2018: 29).

Выводы. Проведенный анализ развития проблематики индивидуализации в историко-социологическом аспекте показал, что развитие индивидуализации оказывает основополагающее влияние на специфику формирования типизации и самотипизации индивида, отражает степень соответствия и/либо противоречия индивидуального и коллективного, а также показывает особое взаимодействие индивида с миром, другим и с собой.

Специфика индивидуализации в большей степени определяется социальными условиями и соответствующим этапом развития культуры/общества/группы. Процесс возрастающей индивидуализации формирует способность индивида адаптироваться к изменениям в обществе, и индивид, через процессы интернализации и инкультурации, становится социальным типом, который соответствует этому обществу. С ростом индивидуализации у индивида возрастает чувство свободы выбора своего места в социальном пространстве, своей реальности, идентичности. Однако рост индивидуализации связан также и с возрастанием у индивида чувства бессилия и одиночества. Противоречивый характер влияния процесса индивидуализации на формирование процессов типизации личности / самотипизации раскрывается Фроммом, который показал, что рост индивидуализации, с одной стороны, усиливает изначально заданное в природе человека стремление к свободе и развитию личности, но с другой стороны, и формирует новые стремления – слиться с внешним миром и отказаться от своей индивидуальности в попытках избежать чувства одиночества, бессилия и тревоги, в значительной степени неосознаваемых индивидом.

Если Зиммель считал, что процесс типизации личности в результате снимает противоречие между индивидом и обществом, коллективным и индивидуальным, то в дальнейшем развитие процесса индивидуализации констатирует нарастание противоречия между этими уровнями.

Показано, что специфику формирования социального характера в ходе социальных изменений можно проследить через трансформацию концепта свой/чужой/чуждый в ходе развития процесса индивидуализации. Предложенный Зиммелем и развитый Шюцем социальный тип «чужак» как универсальный инструмент типизации личности становится фактически невостребованным в новых формах индивидуализации в современном мире.

Анализируя современное индивидуализированное общество, Бауман показывает, как возможно преодолеть то, на чем ранее основывался процесс типизации личности через размывание самого понятия как чужести, так и дома. Выделенные им социальные типы не привязаны к этим понятиям, идентичность становится фрагментарной и множественной, а процесс идентификации всегда остается незавершенным.

Список использованных источников:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва : Логос, 2005. 390 с.
2. Бауман З. От паломника к туристу. *Социологический журнал*. 1995. № 4. С. 133–154. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/218/submission/original/218-411-1-SM.pdf>
3. Гусак В.В. Методологические подходы к изучению социального типа «чужак» в наследии Г. Зиммеля, А. Шюца. *Научно-теоретичний альманах «Грані»*. 2018. Т. 21. № 8. С. 20–29. DOI: 10.15421/1718999
4. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. *Избранное*. Том 2. Созерцание жизни. Москва : Юрист, 1996. С. 301–465.
5. Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2001. 330 с.
6. Riesman D. *The Lonely Crowd*. Yale University, 1969.
7. Тоффлер Э. Третья волна. Москва, 1999.
8. Фромм Эрих. Бегство от свободы / пер. с англ. Г. Швейника. Москва : Прогресс, 2012. 212 с.
9. Шюц А. Возвращающийся домой. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. Москва : РОССПЭН, Шюц 2004. С. 550–556.

References:

1. Bauman, Z. (2005). Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. M. [in Russian].
2. Bauman, Z. (1995). Ot palomnika k turistu [From pilgrim to tourist]. *Sotciologicheskii zhurnal*. M., Vyp 4. pp. 133–154. [in Russian]. <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/218/submission/original/218-411-1-SM.pdf>
3. Gusak, V.V. (2018). Metodologicheskie podkhody k izucheniiu sotcialnogo tipa «chuzhak» v nasledii G. Zimmelia, A. Shiutca [Methodological approaches to studying social type «the stranger» in the heritage of G. Simmel, A. Schutz]. *Naukovo-teoretichnii almanakh «Grani»*. D., Vol. 21 No. 8. pp. 20–29. DOI:10.15421/1718999 [in Ukrainian].
4. Zimmel, G. (1996). Sotcialnaia differentsiatciia. *Sotciologicheskie i psikhologicheskie issledovaniia* [Social differentiation. Sociological and psychological research]. Georg Zimmel. *Izbrannoe. Sozertcanie zhizni*. M., Vol. 2. pp. 301–465. [in Russian].
5. Lipovetcki, Zh. (2001). Era pustoty. *Ocherki sovremennogo individualizma* [The era of emptiness: Essays on contemporary individualism]. SPb. [in Russian].
6. Riesman, D. (1969). *The Lonely Crowd*. NY. [in United States of America].
7. Toffler, E. (1999). *Tretia volna* [The Third Wave]. M. [in Russian].
8. Fromm, E. (2012). *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. M. [in Russian].
9. Shchiutc, A. (2004). *Vozvrashchaiushchiisia domoi* [Returning home]. *Izbrannoe: Mir, svetiashchiisia smyslom*. M., pp. 550–556. [in Russian].